

СПРАВЕДЛИВО говорят: настоящая славка начинается «работать», когда в последний раз опускается театральный занавес. Долго еще мы живем его празднично-радостной атмосферой, мыслями, им внушенными, чувствами, им разбуженными.

Герои, приведенные на сцену областного драматического театра имени Горького заслуженным артистом РСФСР Святославом Ежковым, в памяти земляков — особые долгожители. Сухово-Кобылинский Расплюев, крестьянин Скрып из драмы Е. Яновского «Ярость», стюбод не главное действующее лицо современной хроники Игнатия Дворецкого Пухов... Разные эпохи, несхожие характеры. А вот в зрительской памяти судьба одна, да такая завидная. Очень хочется понять — почему. Мастерство? Разумеется. Однако не могу припомнить спектакля, где хотелось бы, где оставалось бы время любоваться чисто внешним его проявлениями, актерской техникой — отточенным жестом, много раз выверенной интонацией, ювелирно отработанной деталью. Не хотелось думать, как это сделано и что вообще это сделано. Всегда увлекало другое — живая жизнь, принесенная актером на сцену, человек в эпицентре страстей, тех, что кипят вокруг нас и в нас самих.

Да, герои Ежкова — люди, живущие страстями, страстями высокими, а иногда и низкими. И для актера это принципиально: в многогочии современного театра он выбрал язык эмоций горячего накала, самый универсальный, самый проникновенный, самый демократичный.

...СОЗДАНИЕ первых колхозов. Крестьянская стихия, волей и разумом партии ведомая к новой жизни, к коллективному социалистическому труду. Когда это было? Для каждого, пришедшего смотреть «Ярость», по-разному отстоит от сегодняшнего дня это в огненных всполохах время. Вполне вероятно, что в зале окажется тот, кто, не страшась кулацкого обреза, сам ходил на первые крестьянские сходки, увлеченный неслышанным словом — колхоз. Для него это совсем недавно. А для юных — седая древность: ведь тогда их еще не было на свете! Так вот ему, Ежкову, да нет, уже не Ежкову — Митрофану Скрыпу, безземельному, задавленному нуждой, обозленному вековой несправедливостью, изверившемуся и все-таки надеющемуся, ему нужно сделать, чтобы все это было сегодня, сейчас, чтобы все эти люди, там, за рампой, такие разные, жили, думали, чувствовали вместе с ним, чтобы до дна испили его горькую чашу, чтобы разделить его трудно обретенное счастье — быть хозяином на своей земле и унести эту гордую радость, эту великую ответственность в свои семидесяти годы.

Постановщик «Ярости» Нальбий Тхакумашев сделал главным героем спектакля крестьянскую массу. На протяжении всего спектакля пусты покосившиеся избенки Овражек, а сельская «площадь кипит народом. В ее многолюдье мы всегда стремимся отыскать Скрыпа—Ежкова, потому что именно в нем аккумулируются сомнения и надежды толпы, он точнейший барометр ее настроения. Вначале его ярость еще слепа, и вздерошенный, расхристаный Скрып — в постоянном лихорадочном движении. Он мечется, нигде не задерживаясь, от одной группы к другой не оттого, что каждая притягивает его — скорее отталкивает. В водовороте событий Скрып, как сорванный лист, увлекаемый смерчем.

Трудно прозревает Скрып. В сцене крестьянской сходки, где решается, станет ли колхозным первый на селе трактор, его голос срывается на высоких нотах, колочие, неистовые глаза сверлят выступающих. Он молчит пока, но все равно видишь, с каким упорством держит он активную круговую оборону — и против ТОЗа, где засели кулаки, и против колхоза, в ко-

торый не верит. Нет, не не верит — слишком страшится обмануться... Справедливости жаждет его душа, отчаянно, гневно требует ее крестьянин!

Но приходит и к Скрыпу тихая минута. Медленно, осторожно ступая, как будто боясь расплескать новое, еще не совсем понятное ощущение, со средоточенный на нем всецело, является он с поля, где сегодня перепахана последняя межа. Тяжелыми жерновами вращаются мысли. А глаза сияют молодо, изумленно-радостно, как будто уже видят завтрашнее безбрежье колхозной нивы. Это было найдено артистом много спектаклей спустя после премьерного. И хороша сцена тем, что минута насыщенного глубоким чувством молчания соединила посланца далеких

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЕЖКОВСКИЕ ДОЛГОЖИТЕЛИ

двадцатых годов с нами, сегодняшними, в бесконечно важном — ощущении кровной связи с социалистической Родиной.

СВЯТОСЛАВ ГРИГОРЬЕВИЧ — замечательный собеседник. Хотя о театре — главной своей любви — он говорит мало, творчество интимно. Зато, если речь пойдет о современных моделях в строительстве животноводческих комплексов или заботах оренбургских хлеборобов, о новой школьной программе или проблемах строительных студенческих отрядов, он обнаружит доскональное знание предмета и весьма не сторонний интерес к нему. Постоянно живет в нем готовность вступить в спор, упорство отстаивать свою точку зрения, убедить. И убеждает. Отнюдь не горячностью, не легко, по-актерски, возбудимым темпераментом, но осведомленностью, примером, а то и на ходу предложенными математическими выкладками. Такое не дается в руки, если контакты с трудовым сегодняшним днем ограничиваются пресловутыми творческими командировками. Надо жить не рядом — вместе с теми, кого вечер собирает в зрительный зал, общими радостями, общими заботами. И тогда... Нелегко высказать, как переплавляется все это в творческом тигле художника, чтобы вылиться в законченный, не только узнаваемый, но и дающий зрителю возможность узнать новое образ. Но увидеть результат этой глубоко спрятанной от постороннего взгляда, интенсивнейшей работы ума и сердца можно — пожалуйте, посмотрите Святослава Ежкова в спектакле «Человек со стороны».

Нет, он не Чешков, не Плужин, не Рябинин. Он — Пухов. Не правда ли, нужно напрячь память, чтобы вспомнить, кто это и чем занимается он на Нерезжской фирме? Пухов — начальник бюро технического контроля. Несколько раз, появляясь в массовых сценах, ничем, кроме легкой хромоты, непримечательный, он не привлекает нашего внимания. Ведь мы заняты Чешковым, его поистине драматическим единоборством со старожилками Нерезжа. Мы отдаем дань его фанатической преданности делу, его организаторскому дару, мы ценим его мужество. Но одно нас тревожит, не позволяет безоговорочно принять целиком программу Чешкова: слишком настойчиво, слишком демонстративно-холодно его отношение к действительно героическому прошлому завода. Неужели это сегодня недорого стоит, так мало значит? Наши смутные ощущения, наш не до конца осознанный протест долго не находят в спектакле фигуры, вокруг которой могли бы сконцентрироваться, опреде-

литься. И вот мы находим ее — когда для Ежкова приходит главная, его сцена. Пухов явился к Чешкову с трудным, мучительным для себя разговором — доложить, что убытки, созданные приписками Грамоткина и обнаруженные Чешковым, только часть действительных, и он, Пухов, повинен в этом. По тому, как, мучительно преодолевая себя, он настойчиво просит Чешкова выслушать его сейчас же, чувствуется, как несвойственна ему эта настойчивость и как велика его решимость. Свою боль, беспокойную совесть и раскаяние он доверчиво принес на суд неумолимого Чешкова. И только свою любовь к Нерезже, заводу, своему детищу, которому сегодня он, может быть, и не нужен, но которого выпестовал своими руками и защитил от врага, он пытается скрыть от холодного взгляда человека со стороны, как пытается скрыть хромоту, отметину военных лет. Но чем глубже прячет сокровенное ежковский Пухов, тем сильнее и ярче вырывается свет этой любви, ее бескорыстие, ее благородство, вызывая в нас, зрителях, желание поднять против Чешкова его же оружие: разве рационально сбрасывать со счетов такое, разве это сегодня не сильнейший из наших союзников?

Поистине нет маленьких ролей...

Для Ежкова нет маленьких ролей, потому что для него нет маленьких людей. Есть мелкие, но это уже другое. А какая сила духа может таиться в самых скромных «одеждах», актер

поведал с телевизионного экрана, сыграв роль Юзефа в пьесе польского драматурга Ежи Яницкого «Этот странный Юзеф».

Не гонимся исчерпать своего героя, любовно и умно прорисовывает Ежков каждую черточку душевного облика крестьянина в одежде солдата, восходя от милых, вызывающих улыбку житейско-будничных подробностей к высоким взлетам деятельного добра.

В «Этом странном Юзефе» Ежков переключается с «Яростью». Да, это тот же Ежков, утверждающий идеалы воинствующего добра и справедливости. Но мастер не повторяется. Если в «Ярости» при точном психологизме и правде характера он был публицистичен, порой публицистичен по хорошему плакату, в «Этом странном Юзефе» актер действовал другим «резцом» — юмором, в котором так зыбка грань между улыбкой и слезами.

Расплюев в «Свадьбе Кречинского» — одна из наиболее ярких ролей на оренбургской сцене. И это снова тот же Ежков с максимализмом требований к человеку, но доказывающий его высокое предназначение от противного. Даже в Расплюеве, изломанном, искаленном средой с ее совершенно неприемлемой для нас ценностной ориентацией, актер отыскал «душу живу». Его Расплюев построен на парадоксах. Живущий копейной своей корыстью, он способен на бескорыстное преклонение перед Кречинским, преклонение перед артистизмом и размахом его. В нем, попираемом ногами сильных мира сего, и трепыхается жертва, и подспудно зреет палач. Но все это отступает и меркнет перед главной страстью Расплюева, его маниакальной жадностью денег, больших денег. Впечатляющая сцена с купюрами, вырванными Кречинским за поллог. Расплюев — Ежков заворочен их радужным сиянием. Каким восторгом горит его лицо, как нежно касается он банкнот, с каким упоением тонит в них лицо! Он забывает себя, он растворяется, он истаявает в ворохе разноцветных бумажек. И эта кипящая лава настоящей страсти обнаруживает ничтожность повода, ее вызвавшего, заставляет пожалеть, что так бесплодно, по-пустому излились душевные силы.

...Сегодня Святослав Григорьевич Ежков выходит на сцену в спектакле «Место действия — Россия». У его героя нет имени: просто крестьянин, говорит программа. Это определило выбор исполнителем художественных средств. Глубоко прочувствовала актер философско-поэтическую стихию этого театрального «действия»: пришел в спектакль былинный страдалец за народ. В рубище он исполнен достоинства, в тернии его зреет великая сила, в скорби он светел, в гневе — мудр и справедлив.

А впереди — новые роли. Роли, которых ждут. Это ли не высшая награда актеру?

Е. ПАВЛОВА.

НА СНИМКАХ: сцена из спектакля «Человек со стороны». Чешков — арт. А. Соколин, Пухов — засл. арт. РСФСР С. Ежков; Митрофан Скрып («Ярость»).

Фото Б. Тулицева.